

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Без малого 150 лет назад, в 1886 году, 39-летний сотрудник Азиатского департамента Министерства иностранных дел Григорий Александрович Де-Воллан прибыл в Японию с дипломатической миссией.

Это было удивительное время. Япония переживала самый драматический период своей тысячелетней истории, который называют Реставрацией Мэйдзи или даже Революцией Мэйдзи.

С отдаления в сотню лет смысл тогдашних преобразований уместается во вполне нейтральную формулу: закрытая аграрная страна превращалась в одно из ведущих государств мира. А вот любознательному российскому дипломату, за шесть лет своего консульства несколько раз объехавшему Страну восходящего солнца, удалось увидеть столкновение новшеств и старого уклада непосредственно, лицом к лицу и понять смысл восточной мудрости о том, каково это жить в эпоху перемен.

В своей книге о Японии, адресованной прежде всего российскому читателю, Де-Воллан рассказал и о «преданьях старины глубокой», и о природных красотах островной страны, и о шедеврах искусства, знатоком которых он был отменным, и о новых амбициях молодого поколения соседней с Россией державы.

Услышали ли его голос те отечественные государственные мужи, кто немногим позже принял решение воевать с маленьким островным государством? Вряд ли...

За прошедшее столетие с хвостиком сама Российская империя претерпела целый ряд фундаментальных потрясений, дважды сменила имя, пережила ряд антропологических катастроф — и забыла многое и многих. В том числе и российского консула в Японии с непривычной для русского уха фамилией Де-Воллан.

Но, как сказано у Екклесиаста, «время разбрасывать камни, и время собирать камни». И время вспоминать, а по сути — знакомиться заново. И получать от этого знакомства большое удовольствие, подобное тому, что мы испытываем, пригубив выдержанное вино.

Григорий Александрович
ДЕ-ВОЛЛАН

1847—1916

Г. А. Де-Воллан

В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

ЗАПИСКИ КОНСУЛА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
О ЯПОНИИ

МОСКВА
2023

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)
Д25

Подготовка и реконструкция текста, составление, предисловие,
примечания и комментарии — Я. Владимиров

Де-Воллан, Григорий Александрович.

Д25 В Стране восходящего солнца : записки русского консула о Японии / Григорий Де-Воллан. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с. : ил. — (Подарочные издания. Великие путешествия).

ISBN 978-5-04-122750-0

Без малого 150 лет назад, в 1886 году, 39-летний сотрудник Азиатского департамента Министерства иностранных дел Григорий Александрович Де-Воллан (1847—1916) прибыл в Японию с дипломатической миссией.

Это было удивительное время. Япония переживала самый драматический период своей тысячелетней истории, который называют Реставрацией Мэйдзи или даже Революцией Мэйдзи. Любознательному российскому дипломату, за шесть лет своего консульства несколько раз объехавшему Страну восходящего солнца, удалось увидеть столкновение нового и старого уклада непосредственно, что называется, лицом к лицу, и понять смысл восточной мудрости о том, каково это жить в эпоху перемен. В своей книге о Японии, адресованной прежде всего российскому читателю, Де-Воллан рассказал и о «преданьях старины глубокой», и о природных красотах островной страны, и о шедеврах искусства, знаток которых он был отменным, и о новых амбициях молодого поколения соседней с Россией державы.

В приложении приведены самые интересные главы из увлекательнейших воспоминаний Г. А. Де-Воллана о бурных процессах политической жизни в России и участии страны в европейских конфликтах — ведь автор был не только свидетелем, но и активным участником тех событий. Эти мемуары читаются с не меньшим интересом, чем книга «В Стране восходящего солнца».

Книга прекрасно иллюстрирована редкими художественными, фотографическими и документальными материалами, которые сделают знакомство с записками отечественного дипломата особенно ярким.

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)

© Текст, примечания, иллюстрации, макет, дизайн, оформление.
Издательство «Fortune Triumph Ltd.», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-122750-0

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Готовя книгу русского дипломата и путешественника Г. А. Де-Воллана к изданию, мы должны были совершить непростой выбор: печатать ее целиком — или адаптировать к потребностям и запросам современного читателя? Мы пошли по второму пути. Прежде всего это коснулось сокращений. Критерий был один: сохранить все интересное, необычное, все, на чем сохранилась печать личных наблюдений и оценок автора, — и пожертвовать случайным, проходным. Вот почему из первоисточника были убраны подробные описания климата (который, кстати, за 120 лет сильно изменился) и рельефа (который, напротив, остался тем же). По той же причине были удалены либо значительно сокращены обстоятельные экскурсы в легендарную историю Японии, ее мифологию и религиозную историю — не только потому, что сегодня это не найдет живого отклика у большинства читателей, но и потому, что за минувшие десятилетия история, ориенталистика и религиоведение оставили далеко позади добросовестный для своего времени дайджест Де-Воллана на эти темы. По той же причине подверглись сокращению и его языковедческие штудии: при всей начитанности, при всей образованности автора знания его в области китайского и японского языков были не слишком глубоки. Мы решили также не утомлять современного читателя статистическими выкладками: какими (разведанными на момент написания книги) полезными ископаемыми обладала Япония, где сколько чего добывалось и производилось, сколько, куда и почему продавалось и т. п.

При этом текст первоисточника редактировался лишь в самой необходимой степени. Прежде всего это коснулось написания имен собственных, географических названий, наименования исторических реалий и т. п.: они были в основном приведены к современной норме*. В то же время редакция сделала все возможное, чтобы сохранить сам дух произведения, обаятельный стиль его автора, аромат эпохи. Мы старались избежать неуместной и неоправданной модернизации текста, сберечь своеобразие авторской лексики — там, где это не затрудняло восприятия текста.

Однако именно благодаря сокращениям, которым подверглась книга, нам удалось выкроить место для потрясающего приложения — для выдержек из увлекательнейших мемуаров Де-Воллана, которые он печатал в последние годы жизни. Читаются они с не меньшим интересом, чем «В Стране восходящего солнца».

«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье», — сказал поэт. Взглянем же на Страну восходящего солнца с расстояния многих тысяч километров и почти ста пятидесяти лет.

* К исключениям следует отнести, например, некоторые названия с дефисом. Кроме того, в ряде (сомнительных) случаев имя собственное сохранялось в написании Де-Воллана, но снабжалось сноской с предположительной атрибуцией. Большую сложность составляла проблема транслитерации: Де-Воллан не придерживался нормы (которая, собственно, к тому времени еще и не сложилась). Не следил он и за единообразием: один и тот же термин встречается у него иногда в двух, а то и в трех написаниях. В качестве примера приведем «чокван-куайдзи» (написание Де-Воллана), соответствующее принятому ныне «тихокан кайги»; в поиске этого соответствия нам встречались не менее своеобразные написания (например, «чикогванквайджи» в издании: Г. Квигли. Правительство и политическая жизнь Японии. М., 1934). (Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. редакции.)

СОДЕРЖАНИЕ

На службе России. Предисловие

- 10 *Знаменитые предки и семья. Начало карьеры. Сербско-турецкая война. Славянский комитет. Назначение в Японию. Дипломатическая миссия в Вашингтоне. Литературные пробы. Посольство в Мексике.*

В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Исторический очерк

- Начало японской истории. Буддизм. Феодалные кланы. Войны за власть. Тайфуны и ураганы. Микадо и главные семейства. Первые европейцы в Японии. Герои и воины. Власть сёгуната. Замкнутость страны. Реставрация императорской власти. Реставрация Мэйдзи. Парламент. Конституция. Реформы.* 31

Личные впечатления

- 70 *Первый день в Японии. Простота японского быта и необычность костюма. Бытовые привычки, которые удивляют европейцев в Японии. Императорская столица. Дворцы. Сёгунские замки. Европейский селттельмент. Посольства. Жизнь японских улиц. Великосветская жизнь. Новый год. Пожары. Японские компании. День поминовения. Аины. Обед по старинному церемониалу. Фукусима. Простота нравов. Мужчины и женщины — борцы сумо. Паломники. Восхождение на Фудзияму. Русское консульство и русская деревня. Квартал куртизанок. Остров, из которого изгнана смерть. Положение женщин. Брак, усыновление, развод. Харакири (сэппуку). Обычаи японцев.*

Культура и искусство

Язык и письменность. Образование. Пресса. Романы и народная литература. 183
 Происхождение японского театра. Драматические искусства. Знаменитые актеры.
 Изобразительное искусство. Архитектура. Декоративно-прикладное искусство.

Законы древние и новые

213 Императорский период. Законодательный памятник «Тайхо рицурё». Наказания за несоблюдение законов. Микадо и сёгуны. Феодалный период. Даймё и их классы. Охрана императорского дворца. Самураи и ронины. Законы отдельных местностей. Реставрация. Мстители за поруганные святыни. Первый японский парламент.

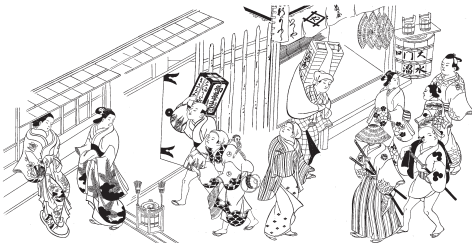
Экономическое и финансовое положение Японии

Промышленность и торговля. Банки и акционерные корпорации. Железные дороги. 245
 Торговый флот. Финансы. Армия и флот — главные статьи расходов. Дефицит бюджета. Государственный долг. Налоги.

Внутренняя и внешняя политика

249 Главные деятели Реформации Мэйдзи. Государственные соглашения с Россией, Германией и Соединенными Штатами. Многочисленные японские партии. Консерваторы и либералы. Нелюбовь к иностранцам. Заимствования из Европы. Честолюбивые военные планы относительно Кореи и Китая. Военные и дипломатические победы Японии. Отношение к России со времен открытия Японии. Причины войны с Россией.

Итоги

Причины успехов Японии. Сложные отношения с иностранными державами. 274
 Предубеждение против иностранцев.

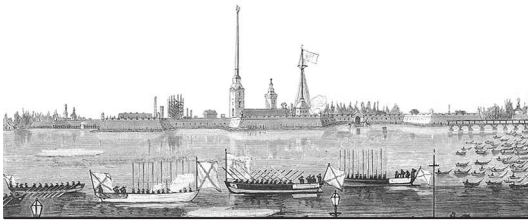
ПРИЛОЖЕНИЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛОГО

Университет

279

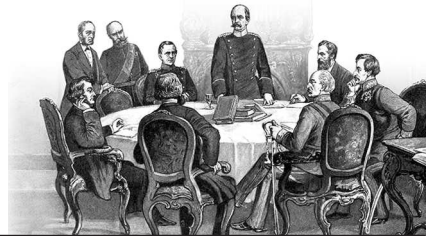
Поступление на юридический факультет Московского университета. Занятия основные и по желанию. Студенческие собрания и знакомства. Аресты студентов.

Москва.— Петербург.— Ялта

Мой семестр в Лейпциге. Славянский комитет. Первые литературные труды. Споры об эмансипации женщин. Нелюбовь москвичей к немцам.

286

Азиатский департамент

290

Мое поступление на службу в Министерство иностранных дел. Азиатский департамент при Стремоухове — ось российской внешней политики.

Будапешт

Командировка в Будапешт. Неудачная позиция российского посланника в отношении славян. Блестящие венгерские аристократы. Угорская Русь. Моя славянская мечта. Почему венгры не любят ни русских, ни немцев.

296

Снова в Петербурге

314

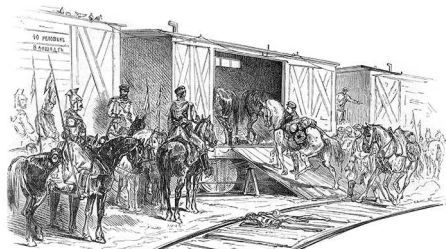

*Неприятие славянской идеи в Петербурге.
Ионин. Шаховские. Гартвиг. Булацель.*

Сербско-турецкая война

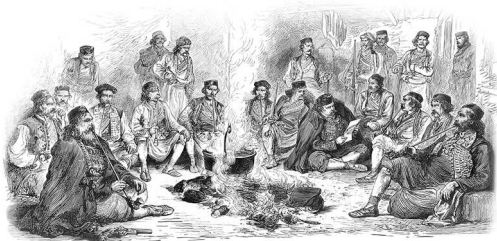
Первый бурный порыв в российском обществе. Торжественные проводы добровольцев и сбор пожертвований. Раскол в дипломатических кругах. Кладово. Снаряжение добровольцев. Черняев. Болгарское дело. Отношение сербов. События в Белграде. 324

Русско-турецкая война

371

Пессимизм и оптимизм. Является ли Турция достойным противником России? Общя воинская повинность. Недовольство нашими неудачами.

Поездка в Боснию и Герцеговину в 1878 году

Деятельность Славянского общества. Нигде не найдете такого незнания России, как между славянами. Жизнь в Рагузе. Новая Черногория. Положение женщин в Черногории и в Албании. Недовольство Сан-Стефанским договором. 375

Годы 1878—1884

384

На распутье незнания. Постоянные угрозы терактов. Взрыв в Зимнем дворце. Критика прессы. Общество ждет сильных ощущений. Ловля на социалистов. Ужасы произвола властей. Полицейский сыск. Канцлер Горчаков. Знамение времени в Петербурге. Убийство Судейкина. Распри в правительстве.

НА СЛУЖБЕ РОССИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех Де-Волланов более других известно имя крупнейшего фортификатора и гидротехника конца XVIII — начала XIX в. Франсуа-Пауля Деволлана (де Волланта). Родился будущий российский министр путей сообщения в 1752 г. в Антверпене в семье полковника голландской армии брабантского* дворянина. В молодости жил в голландских поселениях в Северной Америке, участвовал в боях с англичанами в ходе Американской революции, под пулями изучая фортификационную премудрость.

В марте 1786 г. вышел в отставку. Но без дела не засиделся: в октябре 1787 г. поступил на русскую службу инженер-майором. Как и. о. первого инженера армии участвовал в главных сражениях Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. По приказанию Екатерины II в 1794 г. в недавно отнятой у турок крепости Гаджибей было велено устроить военную гавань с купеческой пристанью. Планы города и гавани составил Деволлан и он же руководил строительством. К 1796 г. работы были окончены, город был назван Одессой.

Вскоре Ф. Деволлан переехал в Санкт-Петербург и в 1799 г. был назначен во вновь созданный Департамент водных коммуникаций. В 1800—1810 гг. руководил грандиозными гидротехническими работами по созданию крупнейшей в Европе Мариинской водной системы, связавшей Петербург с Волгой и Белым морем.

В 1812 г. Деволлан возглавил Главное управление путей сообщения Российской империи. С 1816 г. проектировал и руководил строительством дороги европейского типа — насыпного каменного шоссе между Москвой и Петербургом. Умер он в 1818 г. в С.-Петербурге 66 лет от роду.

Таким образом, в отличие от первых иностранных гидротехников**, Франц Павлович Деволлан сделал на русской службе блистательную карьеру. Он не просто оставил по себе значительные постройки — он до известной степени перестроил европейскую часть своей второй родины. Словно в благодарность за это время пощадило даже его могилу***.

* *Брабант* — историческая область, провинция Нидерландов.

** Их драматические судьбы мастерски воссозданы А. Платоновым в повести «Епифанские шлюзы» и К. Паустовским в «Судьбе Шарля Лонсевилья».

*** В С.-Петербурге на Волковском лютеранском кладбище.

В 1802 г. Франц Деволлан женился на дочери инженер-генерала Якова де Витте Марии Элизабет, от брака с которой в 1807 г. родился сын Александр. В отличие от отца он большой карьеры не сделал. В 1846 г. женится на дочери донского казачьего генерала, фрейлине двора его императорского величества Елизавете Григорьевне Иловайской (1826—1858). В 1847 г. у них родился сын Григорий — автор и главный герой нашей книги, а в 1850 г. — дочь Ольга.

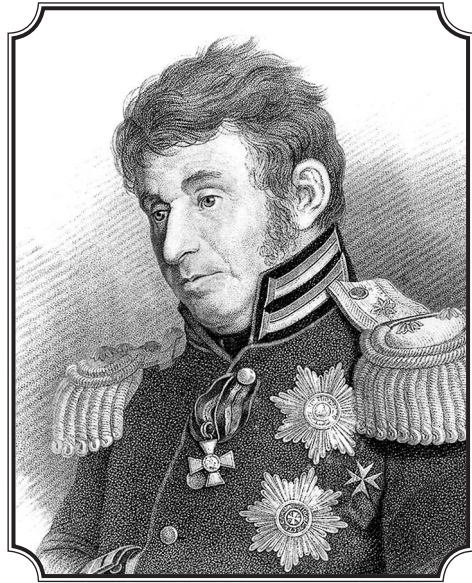
На этом мы заканчиваем предысторию Григория Александровича Де-Воллана* и приступаем к истории. Сначала — о грустном.

В 1858 г. не стало его молодой (32 года) матери. Осиротевший в 11 лет мальчик воспитывался сначала в пансионе Пернера при 2-й С.-Петербургской гимназии, а в 4-м классе его перевезли в Гейдельберг в пансион Гофмана. Там же в 16 лет (1863) он слушал лекции в местном университете, после чего вернулся в Россию и в 1864 г. поступил на юридический факультет Московского университета.

Чего только не изучали тогдашние первокурсники юрфака! Богословие, русскую и отдельно всеобщую историю, статистику, энциклопедию права, латинский язык. На втором курсе к этому прибавлялись полицейское (общественное) право, история римского права, история русского законодательства, государственное право, история философии права, политическая экономия... И словно этого было ему мало, юный Григорий Де-Воллан находил время для занятий санскритом (!), химией, геологией и переводами Гомера.

На занятиях санскритом он и подружился с будущим крупным языковедом В. Ф. Миллером, заинтересовался русским фольклором и историческими судьбами славянства. А также — делом просвещения народа. Составился даже студенческий полуполегалный кружок со своим уставом и программой. При этом участники кружка «на всякий случай» пытались соблюдать какое-то подобие конспирации, что плохо вязалось с их намерением читать публичные лекции фабричным рабочим. Единственным последствием этой затеи стало внимание полиции, которое обрело совершенно практические формы после покушения Каракозова**.

Перед Пасхой 1866 г. Де-Воллан уехал к отцу и сестре в имение Сухое в Валдайском уезде***. А по возвращении попал в водоворот расследований, страшно

Г. Г. Янов.
Франц Павлович де Воллан.
Литография. 1817 г.

* Фамилию Де-Воллана мы приводим в том написании, которого придерживался сам Григорий Александрович.

** 4 (16) апреля 1866 г.

*** Сухое находилось в Сопкинской волости Валдайского уезда Новгородской губернии. Его в 1832 г. купил отец Де-Воллана Александр Францевич. Там он в 1871 г. и умер, а имение завещал дочери — 21-летней Ольге, младшей сестре Григория. В 1875 г. она вышла замуж за предводителя дворянства Валдайского уезда А. Ф. Кршивицкого, в 1913 г. овдовела. В 1919 г. по решению уездного исполкома ее из дома выгнали; остаток жизни (умерла она в 1926-м или, по другим сведениям, в 1930-х гг.) Ольга Александровна прожила у своей бывшей кухарки. Усадьбу народная власть разорила, ее содержимое (библиотеку, архив, портреты предков) уничтожила.

Фердинанд Лассаль.
Фотография. 1860 г.

Фердинанд Лассаль (1825—1864) — блестящий политический оратор и публицист, основатель (1863) и президент Всеобщего германского рабочего союза. По мнению ряда современников — честолюбивый хамелеон, использовавший социал-демократическое движение ради карьеры. К. Маркс и Ф. Энгельс ценили его как замечательного тактика. «Именно Лассаль положил начало той “реальной” политике, при которой на первый план выдвигаются наиболее близкие и легко достижимые цели, а вопросы тактики объявляются независимыми от партийных принципов, следовательно сверхгибкими, ценность которых определяется исключительно их непосредственной результативностью» (Н. Федоровский. К вопросу о классовой сущности лассальянства // История социалистических учений. М., 1986. С. 73).

карьерой — решил поступить в МИД. Со второй попытки это удалось. 23 января 1873 г. Де-Воллан подал прошение на высочайшее имя: «Желая поступить на службу вашего императорского величества в Азиатский департамент Министерства ино-

напугавший его отца. Впрочем, все обошлось без последствий: абсолютная невинность и наивность 19-летнего юноши бросались в глаза.

В 1867 г. «по болезни» он оставил Московский университет и переехал в Лейпцигский, где подпал под влияние лассальянства (прежде всего — под власть харизмы самого Ф. Лассалья), что нашло свое отражение в написанном в конце десятилетия романе «Отто фон Нейзан». После двух семестров в Лейпциге Де-Воллан путешествует по Голландии, Бельгии, Франции, Италии. Поездка эта имела и практическую пользу: в ее ходе он собрал материал для диссертации, которую защитил по возвращении в Россию в новом, только что открытом (на базе Ришельевского лицея) Новороссийском университете в Одессе. Сдав 16 экзаменов и представив реферат «Предшественники Адама Смита в Италии»*, Де-Воллан 23 декабря 1869 г. был утвержден советом университета в степени кандидата юридических наук, а 5 января 1870 г. получил о том свидетельство. После чего совершил поездку в Константинополь и Грецию.

В 1871 г. четыре месяца прожил в Ялте, работая над романом «Сытые и голодные»**. Возможно, тогда же купил в Ялте 2 десятины земли для постройки дачи***. В том же году на пароходе, следовавшем из Ялты в Таганрог, познакомился с художником И. К. Айвазовским, о чем оставил воспоминания. Навестив свое поместье в селе Воздвиженке Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, к концу года Де-Воллан приехал в Москву.

В 1871 г. он вступил в Петербургское славянское общество (комитет). А через год определился наконец и с будущей

* Опубликован через 10 лет в журнале «Юридический вестник» (1879, № 2, с. 292—336).

** Не опубликован, рукопись не сохранилась — как рукописи и двух других его романов: «Брожение» и «Планы Юрия Гарденина».

*** Строительство по проекту модного в то время в Ялте архитектора Г. Ф. Шрейбера затянулось на годы.

странных дел...» и т. д. Просьба была удовлетворена — и уже в мае его назначили секретарем русского консульства в Пеште.

Здесь проявился общественный темперамент и славянофильские интересы Де-Воллана. Он посетил северо-восток Венгрии, интересуясь в первую очередь закарпатскими русинами, которых называл угро-руссами. (Из этих его поездок впоследствии сложился «Сборник угро-русских песен».) Наладил связи с местной интеллигенцией из славян, которых, как он неустанно подчеркивал, угнетали венгры*, вторая титульная нация Австро-Венгрии. Конечно, он не мог обещать местным славянам поддержку со стороны империи Российской (на это у него не было полномочий), но, несомненно, своей заинтересованностью поддерживал их морально и вселял, возможно, преувеличенные надежды.

На эту его самодеятельность начальство смотрело косо: славяне славянами, но мятежные настроения в «дружественной» Австро-Венгрии Россия поддерживать не спешила. В правительственных кругах еще жива была память о подавлении Петербургом рука об руку с Венной Венгерской революции 1848—1849 гг. Национальные меньшинства, добываясь больших прав (вплоть до автономии, а там, глядишь, и независимости), объективно играли роль дестабилизирующего, антиимперского, антимонархического фактора, что никак не могло вызвать сочувствия в Петербурге**. Пришлось Де-Воллану ограничиться печатанием в местной газете упомянутого выше романа «Отто фон Нейзан»***.

Инициатива наказуема. Мы не знаем конкретных обстоятельств, при которых Де-Воллан был в 1874 г. отозван из Будапешта, но вряд ли ошибемся, если предположим, что это было связано с его самодеятельной активностью в среде венгерских славян.

По возвращении из Венгрии он около года числился при министерстве в ожидании вакансии. Покинув столицу, сначала посетил свою усадьбу в Воздвиженке, а оттуда отправился к сестре в Сухое. Наконец в сентябре 1875 г. был назначен делопроизводителем VIII класса.

В это время его дальнейшая карьера, а стало быть, и биография могли сложиться так, что мы бы не имели той замечательной книги, которую ныне переиздаем. Де-Воллан едва не уехал в одно из консульств в США, но судьба распорядилась иначе.

Как сказано выше, с начала 1870-х гг. он состоял членом Петербургского славянского общества (комитета). После начала Сербско-турецкой войны Де-Воллан испросил отпуск в министерстве и как уполномоченный Славянского комитета отбыл в сербскую армию, которой командовал русский генерал Черняев.

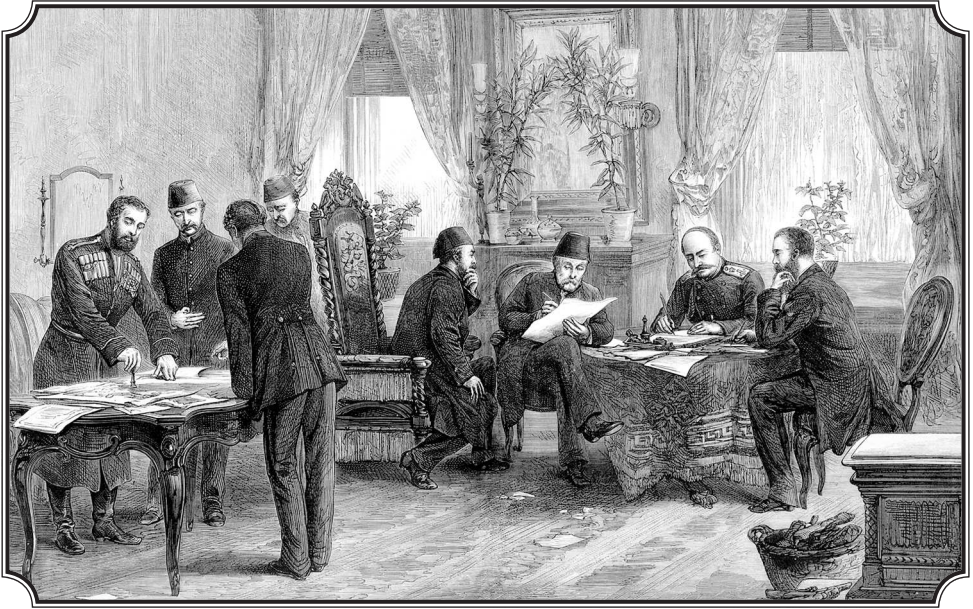
Едва ли не основной ударной силой армии были русские добровольцы: отпущники-офицеры, разорившиеся помещики, энтузиасты-славянофилы, а также лица, имевшие причины покинуть территорию России. Яркие зарисовки этих типов читатель найдет в мемуарах Де-Воллана в конце книги.

Однако за все приходится платить. Самовольная отлучка Де-Воллана в Сербию вызвала в министерстве реакцию еще более резкую, чем его разъезды по Венгрии в 1873—1874 гг.: он был отрешен от должности и почти на семь лет (до 1883 г.) переведен, если так можно выразиться, в запас: назначен «состоять при министерстве».

* См., например, его брошюру «Мадьяры и национальная борьба в Венгрии» (СПб., 1877).

** К. Леонтьев в 1888 г. в статье «Плоды национальных движений на православном Востоке» писал: «При императоре Николае I правительство русское славянской эмансипации и славянскому объединению не потворствовало. У себя строго монархическое и дворянское, оно не желало расшатывать этим потворством и охранительную, чисто государственную, ничуть не племенную Австрию» (Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 585).

*** Напечатан в 1873 г. под псевдонимом *Тюр Джан* в угро-русской газете «Карпат» в Пеште.

Подписание мирного трактата между Россией и Турцией 19 февраля в Сан-Стефано.
С российской стороны договор подписали бывший русский посол в Константинополе граф Николай Игнатьев и начальник дипломатической канцелярии главнокомандующего русской армии на Балканах и будущий посол А. И. Нелидов. С турецкой — министр иностранных дел Савфет паша и посол в Германии Саадуллах-паша.
Гравюра. 1878 г.

Сербо-турецкая война (июнь 1876 — февраль 1877) — составная часть серии вооруженных конфликтов, начавшихся с восстания в августе 1875 г. в Боснийско-Герцеговинском вилайете, к которому в апреле 1876 г. присоединилась Болгария, а затем и Сербия.

Официально Россия в эту войну не вмешивалась: еще свежи были воспоминания о геополитической инициативе 1853 г. по «освобождению братьев-славян», которая началась с победоносного похода на турецкую территорию, а окончилась поражением в Крымской войне и вынужденным освобождением собственных крепостных. К. Леонтьев в цитированной статье писал: «Война

53-го года возгорелась не из-за политической свободы единоплеменников наших, а из-за требований преобладания самой России в пределах Турции. Наше покровительство гораздо более, чем их свобода, — вот что имелось в виду! Сам государь считал себя вправе подчинить себе султана, как монарха Монарху, а потом уже, по своему усмотрению (по усмотрению России как великой Православной Державы), сделать для единоверцев то, что заблагорассудится нам, а не то, что они пожелают для себя сами. Вот разница — весьма, кажется, важная. Наши права, права государя, права России имелись тогда в виду гораздо более, чем права самих крещеных подданных султана» (Там же. С. 587).

Однако благодаря финансовой независимости он мог себе позволить не ждать у моря погоды, а заняться любимым делом: посвятить себя «славянскому вопросу».

В апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну. Де-Воллан отреагировал на это незамедлительно — в присущем ему стиле:

«Я записался в ополчение. Хочу приготовиться к экзамену на офицера. Иначе не стоит идти. Журнал “Земство”, затеянный мной, не пойдет. Григорьев сказал: “Правительство не может допустить центрального органа для земства”»*.

* «Русская старина», 1916, № 6.

В том же месяце был напечатан очерк Де-Воллана «Сербский вопрос перед судом русского общества», в котором автор, в частности, отмечал:

«Отрезвившись от прежнего одушевления, салонные политики могут высказывать пошлые замечания: “Сербы надоели, вообще пора заняться другим, более интересным вопросом”. Но историческому народу не подобает такое легкомысленное отношение к делу, в котором он принимал такое деятельное участие»*.

А в начале сентября** отдельной брошюрой была издана его работа «Мадьяры и национальный вопрос в Венгрии». В январе 1878 г. в «Русском архиве» (№ 1, с. 235—250), а затем и отдельным изданием опубликована «Угорская Русь» Де-Воллана. Во всех этих работах «помимо исторических экскурсов давалась утопическая перспектива “славянской цивилизации”, возникающей на основе федерации славянских народов»***.

В это же время как уполномоченный от Московского славянского общества Де-Воллан ездил в Черногорию. В мемуарах он приводит подписанное И. Аксаковым обстоятельное письмо-инструкцию к нему от 18 февраля 1878 г. Главная цель его командировки — инспекция доставки и распределения русской благотворительной помощи.

На следующий день, 19 февраля (3 марта) в пригороде Стамбула был подписан мирный (Сан-Стефанский) договор между Россией и Турцией. По его условиям Сербия, Черногория и Румыния получали независимость, Босния и Герцеговина — автономию; было создано новое государство — княжество Болгария; Турция передавала России ряд территорий в устье Дуная и в Закавказье****.

Под впечатлением этой русской дипломатической победы безработный чиновник МИД и посланник Московского славянского благотворительного общества Г. А. Де-Воллан отбыл в Европу.

Первые впечатления его были неутешительны для «славянского дела». Он увидел, что у русинских (галицких) студентов в Вене нет даже русских газет. Не менее огорчило его и отношение братских славянских народов к России:

«Нигде вы не найдете такого незнания России, как между славянами. Они знают Россию меньше, чем англичане, немцы, французы».

Более же всего впечатлило Де-Воллана безудержное разворовывание присылаемой из России гуманитарной помощи*****. Командировка заняла два месяца.

«В мае 1878 г. я вернулся в Россию и прямо в деревню, в Екатеринославскую губернию. После поездки в Черногорию, Далмацию и возвращения через Болгарию в Россию (все это было между Сан-Стефанским миром и до Берлинского конгресса) я уже не жил потом в Петербурге»*****.

Политической публицистикой писательство Де-Воллана не ограничивалось: не гнушался он и мелкой журналистской работы, в частности — библиографических обзоров и рецензий. Так, в 1879 г. встречаем несколько его заметок в «Критическом обозрении». И все-таки главное оставалось главным: Де-Воллан не оставлял усилий по публикации сборника фольклорных текстов, собранных им во время

* «Древняя и новая Россия», 1877, № 5, с. 68. Два года спустя, после поездки в Черногорию, Де-Воллан вернулся к сербской теме в большом очерке «Недавняя старина» (см.: «Русский архив», 1879, № 7, с. 339—376). С дополнениями он вошел впоследствии в его мемуары «Очерки прошлого», извлечения из которых мы публикуем в настоящем издании.

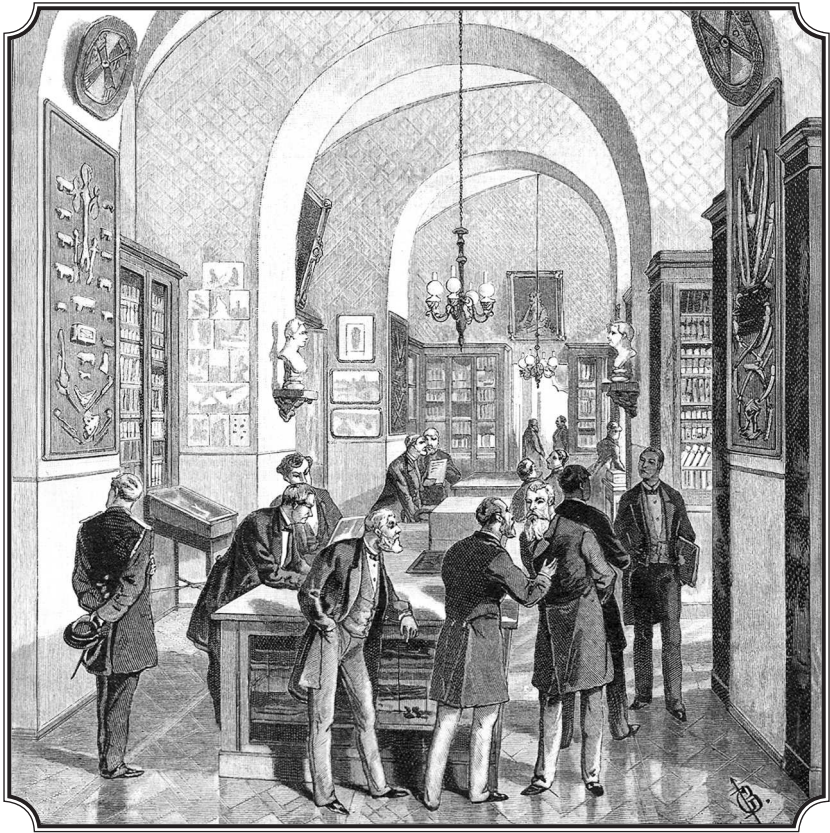
** Цензурное разрешение 27 августа 1877 г.

*** См.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 92.

**** Уже в июне на Берлинском конгрессе часть этих договоренностей была аннулирована.

***** См. подробнее в печатаемых в настоящем издании выдержках из мемуаров Де-Воллана.

***** Г. Де-Воллан. Очерки прошлого // «Голос минувшего», 1914, № 4.

Императорское русское географическое общество в Санкт-Петербурге. Входной зал.
Гравюра. Конец XIX в.

этнографических поездок в галицко-угорское пограничье в 1873—1874 гг. Усилия эти долго не приносили плодов, хотя в славянофильских кругах о них знали. Вот что писала пресса в 1879 г.:

«Санкт-Петербургские Ведомости» (№ 232) заинтересовались судьбой этого сборника и печатно запросили, что случилось с этим сборником? На этот запрос откликнулся г-н Де-Воллан и в № 256 той же газеты заявил, что «материалы и песни об Угорской Руси переданы мной уже давно в издательскую комиссию Славянского благотворительного общества. Там они пролежали три года, до упразднения издательской комиссии, и затем перешли с той же целью в Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, которое, продержав их целый год, отказалось напечатать их за неимением средств. После этих скитаний песни будут напечатаны отдельно и независимо от всяких издательских комиссий»*.

Однако сборник в то время напечатан не был.

Большую часть 1879—1880 гг. Де-Воллан провел в Москве, о чем оставил в мемуарах несколько ярких зарисовок, в том числе живых описаний общения с известными деятелями своего времени — как прежними друзьями, так и новыми знакомыми: В. Ф. и О. Ф. Миллерами, И. С. Аксаковым, Г. И. Успенским, Ф. М. Достоевским, М. М. Ковалевским, А. Н. Пыпиным, Л. Н. Майковым и др. После воз-

* «Древняя и новая Россия». 1879. Т. 15. № 11. С. 363—364. Рубрика «Областная печать и современная летопись».

вращения в деревню поддерживал с ними переписку. В 1880 г. он был утвержден действительным членом Русского географического общества.

Вероятно, в это время пошатнулось финансовое положение Де-Воллана: он вынужден был продать землю в Крыму*. 5 февраля 1881 г. в письме из Ялты к Де-Воллану об этом упоминает А. С. Суворин:

«Так вот Вы какой богатый. Дворцы в Ялте имеете чуть не из мрамора. Позавидовал я этим дворцам и думал себе: “Напишу ему, чтобы высказать свое удивление и удовольствие”. Очень кусается Ваше предложение и купила у меня такого нет».

Дело с продажей, видимо, затянулось. Полтора года спустя, 27 августа 1882 г. тот же Суворин снова писал из Ялты:

«Из Ваших мест пишу Вам, многоуважаемый Григорий Александрович. Видел я Вашу дачу и живу возле нее — на даче Мейера. Говорил с Вашей няней и согласен с ней на Ваш счет: “Его Бог наказывает за непослушание родителям”, — говорит она. В самом деле, вздумали Вы строить дворец, ухлопали массу денег, и стоит он свидетелем Вашего увлечения. Я ходил по этому кандидату в руины и думал, что все это было бы хорошо, если б было поближе к морю и повыше. Следовало строить на холме, а не внизу его. Теперь море видно только из 2-го этажа, и то до тех пор, пока Витмар, купивший у Вас участок, не построит какого-нибудь нужника и им не заслонит Вам совсем вида на море. Здесь говорят, что он потому и купил участок этот, чтобы застроить Вашу дачу, заслонить ее, обесценить этим, и купить потом. Ловкий он человек. Вообще тут хорошо строиться ловким людям. Ваш архитектор Шрейбер построил себе здесь очень хороший дом. А у Вас и деньги были, да ничего не сделали».

В 1881 г. в Берлине Де-Воллан напечатал большую (174 с.) брошюру «Свободное слово о современном положении России». В России она была официально запрещена, но достать ее было можно. Автор живо интересовался впечатлением, которое она произвела на современников, чьим мнением он дорожил. Однако даже те, у кого до нее доходили руки, отзывались о ней скептически**; в целом же, особенно учитывая, что в Россию попали считанные ее экземпляры, брошюра прошла незамеченной, как и большинство его работ, «за исключением актуальных корреспонденций в “Новом времени” из Вены, Далмации, Черногории (март—апрель 1878)»***.

Позволим себе заметить, что в скептическом отношении современников к политической (точнее — культурно-исторической) публицистике Де-Воллана проявился известный снобизм, профессиональное высокомерие специалистов к любителю, «аматёру». Между тем при всех их слабостях и недоработках в текстах Де-Воллана можно встретить весьма острые наблюдения; в пронизательности ему отказать было нельзя:

«Искренняя, честнейшая молодежь, желая правды, пошла была к народу, чтобы облегчить его муки. И что же? Народ ее прогоняет от себя и не признает ее честных усилий, потому что эта молодежь принимает народ не за то, что народ есть,

* У современного исследователя читаем: «В 1880—1883 гг. у Де-Воллана возникают серьезные финансовые затруднения. Девяти кредиторам, в том числе и родственникам, он задолжал свыше 60 тыс. рублей (РГИА. Ф. 1101). Очевидно, с целью поправить финансовое положение он продает в Ялте и Севастополе земельные участки под строительство дач» // «Потомки Франца Павловича Де-Воллана» (источник: электронный ресурс «Одесса для всех» https://odessakraeved.blogspot.com/2017/06/blog-post_15.html?view=magazine).

** См. в частном письме О. Ф. Миллера к Де-Воллану: «Может быть, напишу о Вашей брошюре и отдельно. Простите, но она мне показалась микстурой из земского собора и конституции» («Голос минувшего», 1914, № 4, с. 147).

*** Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 92.

Медаль Императорского русского географического общества «За полезные труды». Диаметр — 37 мм, вес — 31,2 гр. Серебро

ненавидит его, презирает его основы и несет ему лекарства, на его взгляд дикие и бессмысленные.

Эти люди сознали свое бессилие и разочаровались в возможности улучшения народного быта посредством разрозненных единичных усилий. Раздраженное до страсти желание быть полезным народу и личная несостоятельность исключали друг друга, самоуничтожались в борьбе и вызывали нравственное терзание, у многих переходившее в помешательство...

Русское общество и грезит и бредит конституцией, как ребенок накануне сочельника о елке: вот отворят дверь и родители скажут: «Ты был паинька, вот тебе елка в подарок». Что-то детское, наивное сказывается в этом неудержимом желании. Когда московское дворянство просило о даровании конституционного права русскому народу, один француз высказал очень метко: «*On ne demande pas une constitution, on la prend*»*. Русская интеллигенция, стремясь к конституционным формам, чувствует себя в положении офицера без солдат**...

Холодный прием, однако, не остужал Де-Воллана: он продолжает много работать, в том числе и над беллетристическими произведениями, и спрашивает о них отзывы — прежде всего о долго и трудно писавшемся в те годы романе «Полная чаша. Из семейной хроники Ногайцевых». В конце 1870-х — начале 1880-х гг. эта тема постоянно присутствует в его переписке с Г. И. Успенским, А. Н. Пыпиным и, вероятно, другими корреспондентами.

В письме к Де-Воллану*** Г. И. Успенский писал:

«Роман Ваш я прочитал: он написан лучше «Брожения»****, но все-таки Вы бы много могли в нем убавить и многое прибавить. Прибавить необходимо главы две о Петрашевском, о его кружке. Убавить же необходимо... отношения в семействе Ногайцевых, которые не имеют типического интереса относительно того времени... Также надобно... ярче выставить студенчество того времени. Это необходимо для того, чтобы фигура Петрашевского и его товарищей была ярче и чтобы вообще ярче было время 40-х годов»*****.

* «Мы не просим конституцию, мы ее берем» (фр.).

** Свободное слово о современном положении России. Берлин, 1881. С. 57, 131.

*** Вероятно, в 1878 г.

**** Роман не был опубликован и, вероятно, не сохранился.

***** «Голос минувшего», 1914, № 4, с. 128—129.

Не слишком обнадёживал и отзыв А. Н. Пыпина:

«Скажу вам прямо: роман мне не понравился; герой — неясен (трудно разобрать, умный человек или совсем пустой, талантливый или только самонадеянный и т. п.); рассказ чрезвычайно растянут; цель, т. е. художественная, не видна; вообще, то, что я читал, показалось мне материалом для романа, еще требующим обработки, но не романом»*.

Стал ли Де-Воллан его «обрабатывать», неизвестно, но публикацию отложил... на двадцать лет.

Не оставлял он и попыток напечатать «Угро-русские песни» — на этот раз у Суворина, на что тот в письме от 28 октября 1882 г. отвечал:

«Согласитесь, что издание “Угорских песен” — чистый убыток, а если Вы не соглашаетесь с этим, то доказать это можно. Вследствие этого будет лучше отдать сборник Географическому обществу».

В январе 1883 г. Де-Воллан был пожалован чином надворного советника, а вскоре заканчивается и застой в карьере: новый начальник Азиатского департамента И. А. Зиновьев предлагает Де-Воллану возглавить отдел печати департамента.

В 1884 г. Де-Воллан был избран в «гласные» (члены земского собрания) Валдайского уезда, а в 1885-м — в губернские гласные Новгородской губернии. И в том же 1885 г. сумел наконец опубликовать свой многострадальный сборник — в «Записках Императорского Русского географического общества», действительным членом которого он состоял, — и был удостоен Серебряной медали РГО.

В целом же, резюмируя не столько вклад Де-Воллана в дело «славянского возрождения», сколько его национально-культурные убеждения, можно сказать словами литературоведа:

«В отличие от большинства русских панславистов Де-Воллан чуждался идеи о культурно-религиозной гегемонии России, и, видимо, это обстоятельство, а также присущий его поступкам и писаниям характер великосветского дилетантства мешали ему стать заметной фигурой панславистской публицистики»**.

Однако не стоит забывать, что хотя Де-Воллан и не был профессиональным лингвистом или фольклористом, тем ценнее его вклад в сохранение русинского фольклора венгерско-украинского пограничья. Сам же он о своем панславизме в позднейших примечаниях к публикации своих мемуаров посчитал нужным сказать:

«Хотя я лично всегда был и буду панславистом, но не закрываю глаза перед действительностью и вижу все трудности осуществления моей идеи»***.

В 1886 г. Де-Воллана отправляют в Японию — вице-консулом в Хакодате, «куда он добирался окружным путем, посетив по пути Испанию, Египет, Индию, Бирму, Индонезию, французские колонии в Индокитае, Китай»****.

В Хакодате он пробыл консулом 5 лет — до 1892-го, причем в 1890—1892 гг. возглавлял по совместительству консульство в Нагасаки*****.

Поскольку о своем пребывании в Японии Де-Воллан подробно рассказывает в своей книге, отметим здесь только, что он не замкнулся в стенах миссий, а принял несколько поездок по стране, изучив ее собственными глазами.

Ознакомительные эти поездки были крайне важны для пополнения и уточнения надежных сведений о дальневосточном соседе России, но основное время, несо-

* Письмо от 17 августа 1881 г. // «Голос минувшего», 1914, № 4, с. 142—143.

** См.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 92.

*** «Голос минувшего», 1914, № 9, с. 114.

**** С. Суляк, В. Зиновьев. Г. А. Де-Воллан и Угорская Русь // «Русин». 2018. № 54. С. 374.

***** На время продолжительного отпуска тамошнего консула В. Я. Костылева. На его «Очерк истории Японии» (1888) Де-Воллан ссылается в собственной книге о Японии.

Цесаревич Николай Александрович в Нагасаки.
Фотография. 1891 г.

мненно, занимала консульская рутинa. По долгу службы русский дипломат имел постоянные контакты с политической элитой Японии — это отразилось в живых характеристиках местных аристократов, министров и журналистов, которые он делает не с чужих слов. Принимал он обязательное участие и в церемониальных мероприятиях:

«[15 (27) апреля 1891 г.] в 9 часов, когда мы отдали якорь*, представиться его императорскому высочеству** являлись местные власти и посланник Шевич*** с консулом Де-Волланом и двумя драгоманами****. Вторник, 23 апреля (5 мая)*****. Утром цесаревич удостоивает принять завтрак в доме Григория Александровича Де-Воллана»*****.

В 1892—1894 гг. в японской одиссее Де-Воллана случился перерыв. По пути на родину (так же, как в 1886 г. по дороге в Японию) он нашел время посетить ряд стран, что нашло свое отражение в целой серии очерков.

В России Де-Воллан, верный своей деятельной натуре, времени зря не терял: получил в 1893—1894 гг. «второе высшее» образование — окончил весьма престижный частный Археологический институт в Петербурге.

«Совет Археологического института на своем последнем заседании, 3 мая [1894 г.], рассмотрев достоинство экзаменационных ответов лиц, окончивших

* На рейде Нагасаки.

** Будущему Николаю II, совершавшему кругосветное путешествие.

*** Дмитрий Егорович Шевич (1839—1906) — сотрудник МИД с 1860 г., посланник в Японии.

**** Переводчиками (*устар.*).

***** Перед отбытием из Нагасаки.

***** Э. Э. Ухтомский. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича (в 1890—1891). Т. 3. СПб., 1897. С. 12, 16.